

20 июня. Вернулся 2 дня тому назад из своей поездки в Тамб[овскую] губ[ернию] к Н. А. Колокольцеву¹. Ездил, чтобы на деле ознакомиться с системой Овсинского². Поражен виденным. Неужели мы стоим на пороге нового открытия, долженствующего сделать переворот в сельском хозяйстве не только в России, но и во всей Европе? Неужели вся система хозяйства, стремящегося д[о] с[их] п[ор] к разработке пахотного слоя вглубь, стояла на ложном пути и эту аксиому следует забросить, как никому не нужную бессмыслицу, а следует стремиться к мелкой, но при этом вполне своевременной и тщательной обработке? То, что я увидел у Колок[ольцева], говорит в пользу системы Овсинского. Мои — те, собственные испытания, пока мне недостаточны, чтобы сдвинуть меня окончательно с потребительского отношения к плугу.

Поразили меня и крестьянские хутора. При виде этой образцовой обработки, этого внимательного и разумного отношения к собственному хозяйству, еще резче выступила вся бесполезность и практическая несостоятельность общины, которую так горячо защищает Л. Н., но все же *насильственное* уничтожение которой для многих (и для меня) представляется рискованным.

18 июля. Вернулся обратно в Кочеты. Пробыл 5 дней в отлучке. День у Наташи³, остальное время с Таней в Я[сной] П[оляне]. Ездил туда по вызову, чтобы урезонить С[офью] А[ндреевну], которая не то блажит, не то с ума сходит. Трудно рассказать правду, в чем дело, так как комментарии крайне разноречивы. С одной стороны, Саша⁴ утверждает, что «мама замучает папа, что она только играет гадкую, позорную комедию и что папа у них на недосягаемой нравственной высоте»; с другой стороны, Лева Толстой⁵ уверяет, что «папа замучает мама, что она вот-вот кончит жизнь самоубийством, что он в негодовании при виде возмутительного эгоизма папа». Остальные зрители и участники ясенской драмы размещены между этими крайними мнениями, но, конечно, сочувствующих больше на стороне Л. Н., чем С. А. Такое разнообразие мнений происходит как от того, что во всей этой истории немало тайных пружинок, не всем понятных или доступных, так и от того, что вообще у Л. Н. друзей больше, чем у С. А. Желая быть беспристрастным и справедливым, я очень внимательно ко всему приглядывался, во всех этих неприятностях принимал большое участие, и вот что я вынес.

Причины для глубокого семейного раздора существуют уже 30 лет. Временами борьба между супругами разгоралась на почве различных взглядов на дело жизни, временами затихала. Последнее время отношения Л. Н. и С. А. мне все более и более стали представляться какими-то притворными. Движимый своим духовным усовершенствованием, Л. Н. все реже и реже проявлял свое негодование при своих шероховатых отношениях с С. А. и все более и более усиливался проявлять доброту и любовь. Первое по большей части удавалось, но при попытках проявить любовь... [текст зачеркнут *] С. А. этого не сознавала, не будучи вдумчивой и чуткой по своей натуре и отличаясь легкомысленной самоуверенностью, подсказывающей ей, что Л. Н. ее обожает, без нее жить не может и т. п., причем в доказательство приводились какие-то старые анекдоты о восторге Л. Н. пред ее красотой, о том, как он целовал ее ножки и т. п. Но забывалось то, что Л. Н. по старости своей уже потерял свою прежнюю мужскую страстность, которая давала временами суррогат любви, и что, порвав свои супружеские отношения с С. А., он тем самым порвал ту последнюю связь, которая соединяла его с ней, и что таким образом между ними ничего связующего не осталось. Время шло, и небольшая трещина все более и более вырастала в глубокий овраг. И как С. А. ни самоуверенна, а все же ее иллюзии и фантазии

* Найти ее в своем сердце, но на месте этого чувства одни толстовские христианские принципы, чувствовалась фальшь.